

г. Ташкент

от 28 ФЕВ. 1960
Газета №

Над партитурой

Ранние зимние сумерки. Смутно белеют на пианино ноты.

Что это?

«Бирюльки» Майкапара.

Обычно это произведение исполняют музыканты более юного возраста, чем сидящий у пианино человек. Но стоит проследить за его мягким, теплым взглядом, и все становится понятным: отец занимался музыкой со стоящим сейчас у окна румяным мальчуганом.

Забыта музыка. За окном падает крупный снег. Большие снежинки, медленно кружась, легко опускаются на землю. Вот уже и отец залобовался их плавным хороводом. Так они стоят, обнявшись, — большой и маленький Иноятов, уроженцы Ташкента. Их деды и прадеды родились здесь же, где снег — редкий гость, а они оба любят снежную зиму и, как будто сговорившись, начинают напевать песенку из «Времен года» Чайковского.

Решено после ужина отправиться на прогулку.

— Папа, расскажи сказку!

Не вспомнив ничего подходящего, отец рассказывает о роли колдунов Ясуман, которую он когда-то исполнял в музыкальной драме «Фархад и Ширин». Увлечшись, напевает отрывки из партии. Окончен рассказ. Мальчику пора спать. Он уже не жалеет, что прогулка не состоялась. Все вокруг него чудесной силой отцовских слов превратилось в сказку...

— Смотри-ка, еще приснится тебе ночью Ясуман, — смеясь, говорит мать. Но она спокойна за сына: крепышу-мальчишке не снятся сны.

В большом доме гаснут огни, стихает шум. Только под окнами еще долго будет звучать симфония большой городской мажорности. Но приглушенный шум улицы привычен и не мешает ни тем, кто уже отдыхает, ни тем, кто еще сидит за своими учебниками, чертежами.

Среди них и наш знакомый, дирижер театра оперы и балета имени Навои, заслуженный артист Узбекской ССР Бахрам Иноятов.

Перед ним партитура балета. Черточки и значки звучат для него глубокой и содержательной музыкой. В объёме тишины дома только ему слышна эта волнующая мелодия — внутренний слух помогает явственно услышать и каждый инструмент, и каждую ноту, и весь оркестр.

Вот в пеструю ткань музыкального рассказа вплетается новая гонкая и серебристая нить — это вступает арфа. Да, тут нужно усилить динамичность исполнения... Дирижер вновь и вновь обдумывает партию каждого инструмента.

Сколько часов работы позади, сколько репетиций, но нет еще того чувства удовлетворенности, которое означает, что все готово: создан стройный ансамбль, живы и ярки оркестровые краски, ровны и чисты звуки оркестра. Вот они музыкально живописуют природу,

передают человеческие переживания...

В ушах звучат обрывки мелодий, отдельные музыкальные фразы... Иноятов выходит на балкон, смотрит на соседние окна и усмеивается: «Сколько в нашем доме «одержимых» своим трудом людей». Вот рядом, в строю темных окон, одно светлое — здесь живет детский врач, маленькая подвижная женщина, чуткая и отзывчивая.

— Какая завидная, прекрасная профессия, — думает Бахрам Алимович. — Если бы начать жизнь сначала...

И он, не задумываясь, вновь избирает трудный и радостный путь музыканта. Да, начало... Вспоминаются рассказы матери. Нерадостным было его появление на свет: за месяц до этого умер отец, и одинокая безграмотная женщина чувствовала себя беспомощной с двумя маленькими детьми. К тому же новорожденный был слабым и хилым. Но он все-таки вырос, стал жизнерадостным мальчиком. Кричали ли разносчики, точильщики или старьевщики, он точно повторял услышанные звуки в той же тональности, с такими же интонациями. Дома это всех забавляло. В школе обратили внимание на музыкальную одаренность мальчика. Бахрам становится непременным участником драмкружка, выступлений, как тогда говорили, синеблужников.

Окончена школа, и без колебаний Бахрам Иноятов поступает в театральный техникум.

Юношей пришел он двадцать пять лет назад в театр оперы и балета имени Навои, который тогда назывался Ташкентским узбекским музыкальным театром. В те годы он исполнял теноровые партии в музыкальных драмах «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджун» и других. А спустя несколько лет Иноятов вместе с другими узбекскими юношами поехал в Москву держать экзамен в оперную студию Московской консерватории.

Прошло несколько лет, и вновь возвращается Иноятов в родной театр, но теперь он уже не певец, а дирижер. И, наконец, первый балет-сказка, которым он дирижирует, — «Ак-Биляк» Василенко.

Первая самостоятельная работа — это было волнующим и незабываемым событием. С тех пор прошло 17 лет. Многими операми и балетами дирижировал Иноятов (среди них «Красный мак» Глиэра, «Махмуд Тараби» Чишко, балет «Жизель» Адана и другие), но каждая новая постановка по-прежнему волнует, вызывает много раздумий, требует большого труда, чтобы зрителю, пришедшему в театр, казалось, что музыка льется свободно, естественно и легко, без каких-либо усилий оркестра или дирижера.

Особенно памятной была работа над постановкой балета «Маскарад», показанного в Москве на

декаде узбекского искусства. Еще в юности Бахрама увлекали перомонтовские произведения. И вот перед ним партитура «Маскарада» — музыкальное воплощение любимой драмы. С трепетом слушал он музыку балета, боясь, чтобы не нарушилось представление о трогательной и нежной Нине, о драме Арбеняна.

Балет был поставлен молодым балетмейстером И. Смирновым, работа которого отличается большой изобретательностью, глубоким проникновением в характер произведения и его героев. Радость переполняла сердце дирижера, когда он видел, как проникновенно играют и танцуют его молодые друзья и коллеги — Бернар Кариева, Раджаб Тангуриев и другие артисты балета, с каким интересом смотрят этот балет высказательные московские зрители.

...Жизнь полна напряжения и радости. Завтра утром он должен в консерватории проводить занятия по оперной подготовке, потом репетиция, а вечером спектакль. В театр придут сотни трудящихся, хорошо знающих музыку и любящих свой театр, — это добрые друзья, но они не простят любимому театру ни единой погрешности.

Счастлив тот, кто отдает своему любимому делу свой труд и вдохновение!

А. РЫШИНА.

109